

О некоторых особенностях синтаксиса речи Заратуштры в аспекте прагматики (на примере авестийских Гат)

Софья Петровна Виноградова

*Институт языкознания РАН
Москва, Россия
sophiapv@yahoo.com*

Статья основывается на материалах одного из древнеиранских языков, авестийского диалекта Гат, в прагматическом аспекте с отсылкой к данным живых иранских языков, в том числе представленных на территории стран СНГ (разговорный таджикский, памирские (шугнанский), осетинский и др.).

Прослеживаются отдельные структурно-типологические параллели между ними. Рассматриваются конкретные вопросы: препозитивная коррелятивная конструкция с анлаутным *уа*- 'который' в семантической роли субъекта (и/или коннектора-союзного слова полипредикации) в Гатах в сопоставлении с ее структурно-семантическими параллелями в западно- и восточноиранских языках; особенности тема-рематического членения в Гатах с привлечением материала по конструкциям с вынесенной составляющей в разговорных формах отдельных иранских языков; обзор функционирования *уа*-конструкции в Гатах в коммуникативном плане. Параллельно затрагиваются вопросы лексики Гат в ее специфическом употреблении.

При сопоставлении с другими индоевропейскими, включая иранские языки (на территории России и шире СНГ), выявляется ретроспектива историко-типологической эволюции рассматриваемых явлений и копится база знаний о возможности близкородственных связей языка Гат с древними и живыми иранскими языками.

Аллюзии, отсылки в Гатах к Ригведе дают основание рассматривать цикл гимнов, посвященных Индре, как отправную точку рефлексии Заратуштры, ревизии им архаичного религиозного сознания эпохи индоиранской общности, приведшей к формированию модели инкультурации кардинально нового типа.

Ключевые слова: иранские языки, Авеста, Гаты, таджикский, шугнанский, осетинский, Заратуштра, лексика, семантика, синтаксические структуры, *ya-* ‘который’

Для цитирования: Виноградова С. П. О некоторых особенностях синтаксиса речи Заратуштры в аспекте прагматики (на примере авестийских Гат). *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2025, 2: 57–86.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-57-86

On the syntax of Zarathushtra's Gathas in terms of pragmatics

Sophia Petrovna Vinogradova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

sophiapv@yahoo.com

The present article focuses on one of the ancient Iranian languages, the Avestan dialect used in the Gathas. It draws on the language's pragmatic aspects and provides a comparative historical perspective with data from modern Iranian languages, including those represented in the countries of the CIS (colloquial Tajik, Pamir (Shughnani), Ossetian, and others).

Certain structural and typological parallels are traced between these languages and the following issues are considered: the prepositional correlative construction with the anlautic *ya-* ‘which’ in the semantic role of the subject in the Gathas, compared with its structural and semantic parallels in Western and Eastern Iranian languages; the specific features of theme-rheme division in the Gathas, drawing on constructions with a remote component in the colloquial forms of individual Iranian languages; an overview of the communicative function of the *ya*-construction in the Gathas.

Comparison with other Indo-European languages, including Iranian languages (in Russia and the wider CIS area) reveals a retrospective of the historical and typological evolution of the phenomena under consideration and helps to accumulate a knowledge base regarding the possible close ties of the Gathas with both ancient and modern Iranian languages.

Allusions and references in the Gathas to the Rigveda provide grounds for considering the cycle of hymns dedicated to Indra as the starting point of Zoroaster's reflection and his revision of the archaic religious consciousness of the Indo-Iranian community.

Keywords: Iranian languages, Avesta, Gathas, Tajik, Ossetian, Shughnani, Zoroaster, vocabulary, semantics, syntactic structures, *ya*-‘which’

For citation: Vinogradova S. P. On the syntax of Zarathushtra's Gathas in terms of pragmatics. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2025, 2: 57–86.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-57-86

1. Введение: о предмете и материале исследования

Синтаксис иранских языков в коммуникативном, или прагматическом, аспекте к настоящему моменту изучен недостаточно. Особенно это верно в отношении языков вымерших. В данной статье выносятся на рассмотрение коммуникативный аспект полипредикативных конструкций с зависимой частью, находящейся в препозиции к главной клаузе и вводимой относительным местоимением *ya*-, стоящим в начале зависимой части, а, следовательно, в начале всего сложноподчиненного предложения, т. е. как бы открывающим полипредикацию. Аналогичные конструкции на русском языке, типа *которые в красных галстуках, они пионеры*, встречаются исключительно в разговорной речи. Сложносочиненные предложения такой структуры чрезвычайно широко представлены в речи Заратуштры, и трактовка их значения в коммуникативном или ином плане может быть неоднозначной и представляет интерес для исследования. Кроме того, некоторые характеристики устного дискурса Заратуштры могут найти продолжение — в типологическом или ином плане — в иранских языках, представленных на территории России или в сопредельных странах СНГ. Обнаруженные особенности этого малоизученного языкового материала дают более широкую историко-типологи-

скую ретроспективу для других иранских языков, копится база знаний о возможности их близкородственных связей. Опорой для историко-типологических параллелей являются работы Джой Иосифовны Эдельман. И, конечно, надо принимать во внимание, что идиом Заратуштры, или авестийский диалект Гат в составе Авесты, — это устный разговорный дискурс, это живая речь, содержательно — речь пастыря и первоучителя, — и поэтому особый интерес представляют именно разговорные формы иранских языков.

Авеста — священное писание зороастрийцев, а зороастризм — одна из древнейших религий откровения. Ее основатель и первоучитель — Заратуштра, греческая форма имени — Зороастр. По утвердившемуся мнению, он является историческим лицом. Время и место его жизни остаются дискуссионными. По этому поводу можно сказать следующее. Общее мнение склоняется к тому, что родиной его были восточные окраины ираноязычного мира древности, районы современного Туркестана. Относительно датировок мнения расходятся на тысячу лет, от традиционной даты ок. 600 гг. до н. э. и до 1500 тыс. лет до н. э. (см. экстралингвистические факты, например, в [Стеблин-Каменский 2009]). Причем античные авторы были о нем слышаны, хотя их датировки еще более фантастичны (вплоть до нескольких тысячелетий до Платона). Что касается самого Платона, то в одном из его Диалогов, Алкивиаде Втором, упоминание о Зороастре вложены в уста Сократа.

Заратуштре приписывают авторство той части авестийских текстов, которая вошла в состав так называемой Ясны, богослужебного раздела Авесты, под названием «Гаты». Сложенные пророком Гаты «дошли до нас именно в таком виде, в каком он их произнес (не принимая во внимание, разумеется, искажений, сопутствовавших длительной сначала устной, а затем рукописной их передаче)» [Стеблин-Каменский 2009: 19].

Гаты, букв. ‘песни, песнопения’ (ав. *gāθā*-f. ‘песнь’ от и.-е. корня со значением ‘петь, взывать, кричать’, ср. рус. *гай* [Рас-торгуева, Эдельман 2007]). В древнеиндийском этот глагольный корень *gā-* входит в длинный ряд синонимов, передаю-

щих отношение/обращение адепта к богам в языке ведийских риши, его «почитание» божества, со значением 'воспевать' [Елизаренкова 1993: 13]. В. И. Абаев называл их на своих занятиях «тирадами» [Виноградова 2025]). Это ритмически организованные тексты. Их авторский характер несомненен, в отличие от текстов «поздней» Авесты, т. е. всех остальных текстов, которые отличаются по языку от Гат не только хронологически, но и постольку, поскольку тяготеют к наддиалектности [Виноградова 2012].

Таковы Яшты, исходно тексты мифологического содержания, претерпевшие редакцию жрецов-зороастрийцев. Язык же Гат доносит до нас в большей или меньшей степени идиом самого пророка Заратуштры.

Гаты принято — тенденция, усиливающаяся в среде западноевропейских иранистов, — рассматривать как чистейший образец древней индоевропейской иератической, т. е. «жреческой», поэзии (см., напр. [Humbach 2000; Insler 1975; Kellens 1987]). Однако российские ученые, напр. В. И. Абаев [Виноградова 2025], И. М. Стеблин-Каменский [2009], видят в Зороастре прежде всего первоучителя, зачинателя, пророка новой религии, слышат в его Гатах-песнопениях живое звучащее слово, в содержании его выдержанной в традициях древней индоевропейской поэтики речи актуальный смысл, имманентный конкретному историческому моменту в конкретном коммуникативном пространстве в координатах здесь и сейчас. Эта речь все еще протекает в русле веками устоявшейся поэтической традиции, базируется на общем индоиранском мировоззренческом фундаменте и изобилуют многочисленными отсылками к общей коллективной памяти. Однако это уже новая речь, давшая жизнь новой религии нового времени — «осевого» (термин К. Ясперса).

Ярким свидетельством этого являются, как представляется, многочисленные ведийские аллюзии в речи Зороастра, отсылки к конкретным фрагментам ведийских гимнов, посвященных Индре. В них Заратуштра, используя конкретные фрагменты гимнов, вкладывает в старые структурные формы свое содержание, переиначивает смыслы, едва ли не иронизирует. См. [Виноградова 2013; 2014а; 2014б; 2017а]. Уже

самое приближенное сравнение позволяет сделать следующий вывод: «Формальные и содержательные расхождения на фоне общности широких контекстов, а зачастую и в составе идентичных морфосинтаксических структур, позволяют рассматривать весь цикл гимнов, посвященных Индре, как отправную точку рефлексии Заратуштры, ревизии им архаичного религиозного сознания эпохи индоиранской общности» [Виноградова 2017б: 189].

2. О некоторых особенностях тематического членения речи Заратуштры в общем плане

В данной статье рассматриваются некоторые лексико-грамматические характеристики устного дискурса Заратуштры, которые находят продолжение — в типологическом или ином плане — в иранских языках, представленных на территории России или в сопредельных странах СНГ.

За основу в статье взяты тексты Гат, на одном (из двух) диалектов языка «Авесты» [Виноградова 2012].

Опорой для историко-типологических параллелей являются работы Джой Иосифовны Эдельман.

Обнаруженные особенности этого языка дают ретроспективу, историко-типологическую, некоторых языковых феноменов в иранских языках. При этом копится база знаний о возможных близкородственных связях языка Гат с древнеиранскими языками.¹

Знаменательно, что язык Гат — идиом Заратуштры — есть, прежде всего, устный дискурс, это живая речь, содержательно — речь первоучителя. В силу этого для сопоставления особый интерес представляют разговорные формы иранских языков и особенно языков бесписьменных.

Следует отметить также, что учитывать приходится ряд междисциплинарных исследований в пределах гуманитар-

---

¹ Подробную библиографию работ, посвященных Авесте в лингвистическом и экстралингвистическом аспектах, см. в книге [Виноградова 2025].

ных наук и не только, учитывать терминологию с выходом в этимологию, а также сведения об ареале распространения лексико-грамматических явлений, времени и месте их фиксации и пр., что проливает свет на их формирование и этапы заимствования.

Ниже мы выделяем ряд таких сходных позиций в языке Авесты и живых иранских языках и даем их анализ.

Тексты авестийских Гат считаются одними из самых трудных для понимания, и этому есть много причин. В них заключено совершенно новое содержание, а лексика нигде более не засвидетельствована. Ее функционирование дано то ли в прямом, то ли в переносном значении. Например, концептуальная лексика, выраженная абстрактными существительными, вроде *мысль*, *власть*, *дух*, *вера*, *целостность*, *бессмертие* и т. п., выступает у пророка и первоучителя зороастризма то в своем исходном значении, то как имена собственные неких персонифицированных сущностей нового своеобразного пантеона. Двусмысленность — вполне вероятно, что нарочитая, — усугубляется тем, что эта лексика часто выступает в инструментальном падеже, который, как известно, передает такие далекие друг от друга значения, как орудийность (т. е. «чем», неодушевленный объект), так и совместность (т. е. «с кем», одушевленный). Отсюда разнбой в переводах Гат, где в конкретных контекстах эта лексика может быть трактована по-разному. (Имеется в виду разнбой в ее написании: с маленькой буквы — если словоформа понимается как инструментальный орудийный, т. е. как абстрактное имя; и с большой буквы — если понимается как инструментальный совместный, т. е. как персонификация.)

Однако, дискурс Гат — это дискурс не просто первоучителя, но в первую очередь — пастыря. Из этого следует, что он, Заратуштра, очень сознательно и творчески подходил к выбору коммуникативной стратегии (ср. [Бергельсон, Кибрик 1987; прив. по: Тестелец 2001: 437 и сл.]). В его дискурсе использованы, задействованы всевозможные коммуникативные стратегии.

Нами рассмотрен один из самых специфических приемов рема-тематического членения речи, не представленный, насколько можно судить по исследованиям и текстам, в таком близком генетически и типологически к авестийскому Гат языке Вед.

Русскоязычная параллель уже приводилась выше. В иранских языках ближайшую по синтаксической структуре параллель удалось найти в персидском и таджикском. Так, в персидском, таджикском и в персидско-таджикских и даритаджикских говорах южных предгорий Таджикистана, в Бадахшане, и на территории Северного Афганистан, Бактрийской низине, говорят, например:

man=ke	xāne	biyāyām	hatman	be	šomā
я=который	дом	приходить.AOR.1SG	обязательно	в	вы

telefun	xāham	kard
телефон	хотеть.PRS.1SG	делать.INF.TR

Я как только домой приду, обязательно Вам позвоню
(man=ke xāne biyāyām hatman be šomā telefun xāham kard
(форма xāham kard – передает FUT.1SG), букв. ‘Я=который домой приду, обязательно Вам позвоню’).

man=ke	marīz	būdam	kārḥā=ye
Я=который	больной	быть.PST.1SG	работа.PL=IZ

xōd=rā	xalās	na-karde=am
свой=LAT	конец	NEG-делать.PRF=1SG

Я=ведь больной был, [поэтому/вот и] работы свои не закончил (man=ke marīz būdam kārḥā=ye xōd=rā xalās na-karde=a, букв. ‘Я=который больной был, работы свои не закончил’).

Найти в специальной литературе работ на этот предмет не удалось (в отличие от структур типа перс. *ān=ke šomā mikonid ...* ‘То, которое/что вы делаете...’, широко представленное и в письменной, литературной форме как персидского, так и таджикского языков).

Как в персидском, так и в таджикском языке, при формальном синтаксическом построении, очень близком к авестийскому Гат (с тем только отличием, что здесь личное местоимение 1 лица ед. числа, кодирующее референт всего высказывания, вынесен в его начало, предшествуя относительно, здесь, энклитическому =*ke* и образуя с последним единый интонационный комплекс; при ударении на личном местоимении), при аналогичном (приводимым ниже древним примерам) распределении темы и ремы и также препозиции атрибутивного предложения, выражающего тему, звучат — именно звучат! — совершенно иначе. Все дело здесь в референте!

В Гатах нередки случаи, когда инициальное относительное *уа*- тематической зависимой клаузы представляет субъект (он же актор) в 1-м лице и является формально субъектом при предикате (1SG.CON, служащим в Гатах средством передачи своего рода будущего категорического с перформативным оттенком, с привязкой к ситуации здесь+сейчас) — т. е. совпадает с говорящим, — а коррелятом в рематической части высказывания является личное местоимение в 1-ом лице в семантической роли бенефактива (в рассматриваемых ниже примерах в дательном падеже), т. е. и говорящий, и его референт в высказывании являются одним и тем же лицом. При этом создается «особая коммуникативная напряженность» (хотя это определение Янко, взятое из [Тестелец 2001: 445], относится у нее к совершенно другому случаю, более того сказано в отношении «сугубо литературной стратегии письменного текста» [Тестелец 2001: 446], но, кажется, очень сюда подходит).

Можно сказать, что в таких ситуациях говорящий прибегает к особой тактике активации данного знания у адресата (зд. соотносится с императивами рематической части) — через структуры «коммуникации событий» (термин А. Лурии).

При анализе таких построений в коммуникативной парадигме одной топиализацией здесь не обойтись.

Именно такие очень специфические (с типологической точки зрения тоже?) структуры, можно сказать, составляют

излюбленный прием в речи Заратуштры, и именно они составляют конкретный предмет (объект?) дальнейшего рассмотрения. См., например, в тексте первой же из пяти Гат: У. 28.2; У.28.3; У.28.4 и др.

Их построение схематично можно представить следующим образом.

В плане синтаксиса:

сложноподчиненное предложение = 1. Определительное придаточное + 2. Главное предложение.

В плане прагматики:

1. ТЕМА=зависимая клауза (определительное придаточное) + 2. РЕМА= главная часть.

Распределение темы/ремы — как у предложений с расщеплением, как в клефтовых построениях, ср. [Тестелец 2001: 446]. Однако в рассматриваемых авестийских построениях дело не только в топикализации. Как и в персидских примерах с *tap=ke*, приходится прибегать к такой категории как логическое ударение или, в иной терминологии, к контрастивному выделению, к фокусу контраста [Тестелец 2001: 458]. Более того, та самая «коммуникативная напряженность» усугубляется здесь еще и тем, что «фокус контраста», его выбор осуществляется говорящим (т. е. Заратуштрой) из релевантного множества, объем которого ограничивается — одним единственным — элементом, ведь референтом обеих частей высказывания является сам говорящий, 1-ое лицо. Таким образом, рассматриваемые специфические для авестийского диалекта Гат *уѣ*-конструкции могли бы рассматриваться как вариант, тип, исходный для историко-типологической эволюции способов топикализации во всех ее аспектах при сопоставлении с соответствующими вариантами в разговорной диалогической речи носителей некоторых иранских языков. (Теоретический аспект см. в [Тестелец 2001: 437–466].)

Завершая схематическую характеристику рассматриваемой конструкции в Гатах, следует добавить, что в рассматриваемых ниже языковых примерах анлаутное *уѣ* можно также рассматривать как коннектор-каузатор/мотиватор

и т. п. на иллокутивном уровне [Виноградова 2023]. В терминах этой парадигмы конкретным предметом рассмотрения в статье является: «препозитивная коррелятивная конструкция с анлаутным *уа*- ‘который’ в семантической роли субъекта (соотносимым с личным местоимением не-третьего лица в косвенном падеже второй части полипредикативного выражения) и с отсутствием — на уровне формального синтаксиса — согласования между этим субъектом и предикатом этой коррелятивной конструкции, который представлен личной глагольной формой в конъюнктиве и который семантически можно характеризовать (согласно рассуждениям О. Н. Селиверстовой) как «предикат действия» с субъектом в качестве инициатора и имплицитно выраженным объектным актантом.

Этот излюбленный прием в речи Заратуштры — использование формы 1 л. ед. ч. (зд. *pairi.ṣasāi*) в составе конструкции с вынесенной составляющей, т. е. в речи от первого лица, — и представляет собой особый интерес. Интересно, что, вопреки сложившимся представлениям (параллели см. в [Кравченко 1995]) о том, что наибольшим референциальным потенциалом обладает прямо-референтное местоимение «я». Заратуштра же в Гатах отдает предпочтение синтаксической конструкции, разводящей говорящего и наблюдателя, в том числе и в высказываниях «личного плана» от 1-го лица. (Об этом см. тж. [Виноградова 2014a].)

3. Разбор языкового материала из Гат

Примеры из Гат. Одни из самых интересных примеров из первой же по порядку гаты Y.28. Строфы 2,3,4 построены единообразно с точки зрения синтаксиса и информационной структуры.

Пример 1 (Y. 28.2)

уѧ vā mazdā ahurā #
maibiiō dāuuōi ahuuā #
āiaptā ašāt hacā #

pairi.ṣasāi vohū mananḥā
astvatascā hyaṭcā mananḥō
yāiš rapantō daidīṭ xvāθrē

yə	vā	mazdā	ahurā
который.REL.NOM.SG.M	вы.ENC	Мазда.VOC	Ахура.VOC
pairī.jasāi		vohū	manaḥhā
обихаживать.PRS.CON.1SG.MED		добрый.INS.SG.N	мысль.INS.SG.N
maibiiō	dāuuōi	ahuuā	
я.DAT	дать.INF.DAT.SG	мир.GEN.DU.M	
astvatas=cā	hyaṭ=cā	manaḥhō	
земной.GEN.SG.M=и	так=и	духовный.GEN.SG.N	
āiiaptā	aśāṭ	haśā	
благо.ACC.PL.N	Аша.ABL.SG.N	от	
yāiś	rapantō		
который.INS.PL.N	сторонник.NOM.PL.M		
daidiṭ	xvāθrē		
ставить.OPT.PL.(MED)	блаженство.LOC.SG.N		

Который вас, (о) Мазда Ахура, обихаживаю с доброй мыслью, Мне (чтобы) *даны были обоих существований, материального так и духовного, Блага от Аши, которыми взыскующие ставились бы в блаженство.

В качестве примечания к переводу сказуемого придаточного предложения конъюнктивного *pairī.jasāi* как 'обихаживаю'. Это имеет значение и для понимания тех новых, по отношению к своему индоиранскому мировоззренческому прошлому, смыслов, которые несут в себе речи Заратуштры, понимания новых отношений с возведенным в ранг верховного и единственного божества Ахура Маздой.

Это значение, как представляется, уже можно включать в словарную статью (для *pairī.jasa-* еще и вариант перевода — 'обихаживать'. В таком переносном значении его производные отмечены нами в авестийском диалекте Гат. Русский глагол *обихаживать*, также букв. означающий 'ходить вокруг', подобно авестийскому, приобрел такое же переносное

значение. Такое семантическое развитие, в свою очередь, может послужить отсылкой к другой важной работе Джой Иосифовны Эдельман «Иранские и славянские языки. Исторические отношения» [Эдельман 2002].

Отметим, что префикс **pari-* в сочетании с производной основой от глагольного корня **¹gam-: gm-: ga-: jam-* отмечен в материалах словаря только в одном случае, у хотаносакского (см. [Расторгуева, Эдельман 2007: 126; Эдельман 2020: 177]: хс. *paljsem-* перех. ‘to go about, be engaged in’ < **pari-jāmayā-*, прич. прош. вр. **paljsaunda-*, 3-е л. ед.ч. наст. вр. *paljsemāte* [Emmerick 1968: 76]). Только здесь, в хотаносакском, он отмечен также в переносном значении, т. е. ‘заниматься чем-л.; ухаживать’ (а не только ‘ходить’).

Обихаживать, согласно «Большому толковому словарю русского языка», имеет следующие значения: иметь попечение о ком-либо или о чем-либо; заботиться, ухаживать; заниматься обработкой чего-либо; в переносном смысле — бить, колотить (см. обиходить [Кузнецов 2000]). Важно отметить, что по Далю, это ‘обиходить что’, сев. и вост. избыхаживать, охаживать, ухаживать около чего, ходить старательно за чем, присматривать и делать самому. И вот примеры: Садовник обихаживает яблони. Хозяйка обихаживает дом [Даль].

Именно в таком значении, ‘обихаживать’; а также нем. ‘*dienen*’, англ. ‘to attend, serve’, отмечен его структурный аналог в речи Заратуштры, в авестийском диалекте Гат. В них встречается несколько личных глагольных форм, производных от основы *pairi.jasa-*. Это три формы 1 л. ед. ч. *pairi.jasāi* в трех разных текстах Ясны (Y.28.2; Y.50.8; Y.51.22) (впрочем, ср. [Insler 1975: 119] и пять форм 3 л. ед. ч. *pairi.jasaṭ* (в тексте одной Ясны Y.43.7, 9, 11, 13, 15) [Insler 1975]). В Ведах в этом значении используется производная лексема с тем же префиксом, но от другого корня также с исходным значением ‘передвигаться’, *car-* [Insler 1975: 119].

В Гатах есть еще несколько глагольных лексем, характеризующих разные способы почитания божества, однако отсутствует главный, характерный для авестийских мифологических текстов Поздней Авесты глагол ав. п. *yaz-* (др.-перс.

yad-), родственный ведийскому *yaj-* ‘почитать, жертвовать’ [Елизаренкова 1993]. В предикативной функции в Гатах эта лексема с первичным значением ‘приносить жертву’ не засвидетельствована. Т. е. основа почитания Ахура Мазды у Заратуштры складывается из почитания, прославления, поклонения, служения.

Ср. также длинный ряд синонимов, передающих отношение/обращение адепта к богам в языке ведийских риши, его «почитание» божества: *dāṣ-* ‘почитать’, *namasy-* ‘почитать, поклоняться’, *sap-* ‘почитать, служить, уважать’, *sararyu-* ‘почитать, а также ряды «квазисинонимов», приобретающих значение почитать (божество) разными способами: *yaj-* ‘почитать, жертвовать’, *hu-* ‘возливать жертву, почитать’; *īḍ-* ‘молить, почитать, восхвалять’, *maḥ-* ‘радовать’, *saus-* ‘прославлять’; *vand-* ‘хвалить, славить, почитать’; *stu-* ‘хвалить, восхвалять’; *arc-* ‘сверкать, воспевать, почитать’; *gā-* ‘воспевать’; *gar-/gir-* ‘призывать, восхвалять’ [Елизаренкова 1993: 12–13]).

Когнат авестийского *pairi.jasa-* ‘оби-хаживать’ в этом древнеиндийском перечне отсутствует.

Пример 2 (Y. 28.3).

yē vā aśā ufiānī				# manascā vohū apaourvīm			
				# ā mōi rafəδrāi zauuəṅṅ jaśatā			
yē		vā	aśā		ufiānī		
который.REL.NOM.SG.M				вы.ENC Истина.VOC.N воспевать.1SG.CON.ACT			
manas=cā		Vohū		apaourvīm			
Мысль.NOM.SG.M=и		Добрый.NOM.SG.M		не_первый.ADV			
ā mōi	rafəδrāi			zauuəṅṅ	jaśatā		
к мой.ENC.GEN поддержка.SG.DAT.N				призыв.PL.ACC идти.IMPR.2PL.ACT			

Который вас, о Истина, буду воспевать, и с Мыслью Доброй, ... на **мои** для помощи призывы придите!

Очевидно, что подобные синтаксические конструкции служат вполне определенным коммуникативным целям, являясь способом обеспечения эмфатического фокуса на актуализированном в теме референте, на говорящем, который

задан, охарактеризован здесь не как «Сократ — человек», а как «Собака лает», т. е. не через структуру «коммуникации отношений», а через структуру «коммуникации событий» [Лурия 2006]. Таким способом говорящий апеллирует не к тому, что адресат знает или мог бы знать, а к тому, что он может непосредственно воспринимать, слышать, видеть и т. п. Высказывания подобной структуры ориентированы на «субъекта восприятия», на наблюдателя. В рассматриваемых речевых ситуациях, в Y.28 и в Y.47, таковым «субъектом восприятия» оказывается адресат, который, что очевидно, локализуется в одном с говорящим коммуникативном пространстве, в одной точке на оси «здесь и сейчас». Заратуштра, таким образом, в своих речах предстает как стихийный лингвист! (Это к вопросу, поднятому в начале о жанровой (?) специфике Гат Заратуштры.)

Кроме того, это способ создать «балансированные синтаксические структуры: придаточное относительно предложение — главное» (ср. [Елизаренкова 1993: 179]), причем референтом этих относительных местоимений, занимающих «отмеченное место в метрической схеме», начальную позицию в стихе [Елизаренкова 1993: 180], является говорящий, адресант, а не божество, как это имеет место в Ригведе.

Таков парадоксальный синтаксис речи Заратуштры. Следует отметить, что Ригведе неизвестны конструкции подобные *yā=vā ... pairī.jasāi ... maibiiō ...* ‘который вас обихаживаю ..., мне’; *yā=vā ... ufiiānī ... mōi ...* ‘который вас воспеваю ..., мне’. Что касается нарушения формального согласования, то оно встречается в конструкциях иного типа [Елизаренкова 1993: 203].

4. О уа-конструкциях Гат как прообразе конструкций с вынесенной составляющей в современных иранских языках

Следует указать, что Гаты изобилуют примерами пре- и постпозитивных коррелятивных конструкций с анлаутным уа-‘который’ в различных семантических ролях и коррелиру-

ющим с личным местоимением как второго, так и третьего лиц, а во второй части полипредикации, в которых авестийское относительное местоимение *уа*- выступает как средство актуального членения, где в качестве темы высказывания может выступать любой член предложения, имя и, соответственно, предшествующее ему относительное местоимение *уа*- в любой грамматической форме числа и падежа (см. подробнее [Виноградова 2023]).

Такие авестийские высказывания можно соотнести с конструкциями с вынесенной составляющей в разговорной форме речи у носителей ряда современных языков. Из засвидетельствованных примеров отметим эту конструкцию в таджикоязычной среде, где она пользуется большой популярностью. См. подробнее: [Керимова, Молчанова 1984]. Кроме того, Е. К. Молчанова выделяет соответствующую конструкцию в языке современных зороастрийцев-иранцев, в языке современных зороастрийцев — йезди (зороастрийский дари) [Молчанова 2008]. Причем на раннем этапе исследований ее описание под другим названием дано у Л. С. Пейсикова на материале персидского языка, например в [Пейсиков 1960]. Оно было сделано до введения в научный оборот соответствующего термина. (Теоретическую разработку см. [Шкапа 2013], а также [Barie 2009].)

5. О *уа*-конструкциях Гат и Поздней Авесты и становлении определенного артикля в ряде восточноиранских языков.

Анализируя становление как категории определенность/неопределенность, так и артикля в большинстве восточноиранских языков (куда входят и так называемые памирские языки), Д. И. Эдельман отмечает тесную взаимосвязь, но не тождественность этих содержательных категорий имени в иранских языках [Эдельман 1990: 171–175].

При том что материалом для определенного артикля в ряде иранских языков (среднего и периода и современных) послужили указательные местоимения древности («носи-

тели значений дейксиса, эмфазы, анафоры») и реже — как она допускает — относительные («со значением анафоры»), т. е. *уа- [Эдельман 1990: 175]. К числу таких языков можно отнести согдийский, хорезмийский, бактрийский, из современных живых — осетинский и, с меньшей вероятностью, язгулямский. Одним из условий такого развития определенного артикля из указательных местоимений при их возможной контаминации с относительным *уа-, по предположению Д. И. Эдельман, является их постоянное адъективное употребление [Эдельман 1990: 175].

В чередѣ синтаксических контекстов, характерных для функционирования лексемы ав. *уа*-, предполагающих «адъективное употребление» этого относительного местоимения, в Гатах с уверенностью можно выделить следующий ниже [Y.33.11].

Пример 3 (Y.33.11):

уə	səvištō	ahurō
который.REL.NOM.SG.M	сильнейший.SUP.NOM.SG.M	Господь.NOM.SG.M
mazdās=cā	ārmaitiš=cā ...	
Мудрый.NOM.SG.M=и	Здравомыслие.NOM.SG.F=и	
sraotā		
слушайте.IMP.2PL.ACT		
mōi	mərəždātā	mōi
мой.ENC.GEN	жалеть.IMP.2PL.ACT	мой.ENC.GEN
‘(О) сильнейший Господь и Мудрый, и Здравомыслие, и... выслушайте меня, помилуйте меня...’		

Здесь относительное *который* не имеет коррелята, а вся зависимая ИГ, будучи в номинативе, тем не менее выступает как аппеллятив, что задано императивной формой двух сказуемых [Y.33.11]. Конструкция *который* + ИГ в номинативе здесь формально является своего рода аппозитивом, приложением. Будучи помещена в абсолютное начало высказывания функционирует как вокатив (см., напр. [Humbach et

al. 1981: 101]). Такое понимание, как представляется, отсылает нас опять-таки к особенностям коммуникативных стратегий в Гатах.

В текстах на позднем авестийском примеры на конструкцию *который + ИГ в функции приложения* значительно более многочисленны и разнообразны.

См., например, также «Видэвдат»: *tüm yō AM...* ‘ты, Ахура Мазда...’, букв. ты, который АМ’ [V. 5.15]; *kō θwām yīm ahu gēt mazdām...* ‘кто тебя, Ахурамазду, ...букв. кто тебя, которого Ахурамазду...’ [V. 18.61]. Тж. V.2.2, 19.20 [Видэвдат 18.61].

Немало примеров на конструкцию *который + ИГ в функции приложения* и в «Яштах»: Yt.8.50, 8.44, 5.89, 10.103, 19.35. См. тж. позднеавестийские фрагменты «Ясны»: Y.1.1, 27.1, 19.6,7. Однако, ср. Y.2.16, где относительное местоимение + именная группа выступает как прообраз изафетной конструкции со значением посессивности.

6. Еще об одном способе логического или эмпатического ударения в Гатах

Помимо формы 1SG в Гатах представлена также глагольная форма *pairi.ṣaṣat*.3SG.PST.ACT того же глагола, но с первичным значением. Эта форма *pairi.ṣaṣat* рассматриваемого авестийского глагола представляет интерес не сама по себе, а своим контекстом. Пять строф гаты Y.43 (7,9,11,13,15) повторяют один и тот же зачин:

В ритмизованном переводе И. М. Стеблин-Каменского он звучит так:

Святым тебя, Ахура, мыслю, Мазда,

Когда меня Благой достиг ты Мыслью И спросил: ...

[Стеблин-Каменский 2009: 92–96].

Это отсылка к Ригведе, к гимну из цикла Индры, из серии текстов, где онтологические представления древних зашифрованы в виде вопросов. Так, в соответствующем гимне в Ригведе I 84.17а звучит вопрос вед. *ko máṁsate santam i*

ndraṁ ...? [RV I 84.17a] 'Кто будет думать, есть ли Индра? ...' [Елизаренкова 1993: 248].

Именно на этот вопрос своих предшественников Заратуштра отвечает по-своему, используя инверсивный порядок слов, передающим, как кажется накал эмоций: «Святым тебя, Ахура, мыслю, Мазда...», используя те же морфосинтаксические структуры. Ср. букв. перевод процитированного ведийского примера 'кто мыслит сущим Индру'.²

Ср. Пример 4 (Y.43.5):

spəntəm aṭ θwā #	mazdā mē nghī	ahurā
hyaṭ mā vohū #	pairi.ṣasaṭ mananḥā	
spəntəm	aṭ	θwā
святой.ACC.SG.M	же.CN	ты.ENC.ACC
mazdā	mē nghī	ahurā
Мазда.VOC.SG.M	мыслить.PST.1SG	Ахура.VOC.M
hyaṭ	mā	vohū
когда	я.ENC.ACC	добрых.INS.SG.N
pairi.ṣasaṭ	mananḥā	
приблизиться.PST.3SG.ACT	мысль.I.SG.N	
что соответствует «Святым же тебя # о Мазда мыслю Ахура		
Когда ко мне с Д/доброй # приблизился М/мыслю		
И спросил меня # что еси? Чей еси?		

Этот зачин «Святым же тебя, Ахура, мыслю, Мазда, когда ...» повторяется рефреном в этом тексте в каждой нечетной строфе, начиная с пятой и кончая пятнадцатой.

Ср. неинверсированный, прямой порядок слов, передающий близкий смысл, повествовательно, без выделения, в другом тексте Гат Y. 43,4 и др.

² Авестийский материал приводится по [Insler 1975; Geldner 1896], а ведийский по интернет-источнику — RV.

Ср. Пример 5 (Y.43.5):

aṭ θwā mē nghāi taxmēm cā spəntəm, mazdā | hyaṭ...

aṭ	θwā	mēnghāi		
же.CN	ты.ENC.ACC	мыслить.CON.1SG.ACT		
taxmēm=cā	spəntəm	mazdā	hyaṭ	
сильный.ACC.SG.M=и	святой.ACC.SG.M	Мазда.VOC.M	когда...	

‘Тогда тебя мыслю мужественным и святым, о Мазда, когда...’

Подробный разбор данного текста и их сопоставление даны в статье «О ведийских аллюзиях в авестийских Гатах: попытка реконструкции» [Виноградова 2017a].

Содержательно этот текст Y. 43 в целом и с его эмфазой, достигаемой благодаря инверсии порядка слов в главной части высказывания, с выносом на первое, т. е. маркированное место, сквозной для всего текста ремы в этих пяти строфах с повторяющимся зачином spəntəm aṭ θwā mazdā mē nghāi ahurā hyaṭ... «Святым же тебя, Ахура, мыслю, Мазда, когда ...» (Y. 43.5, 7, 9, 11, 15) может служить выразительной иллюстрацией к тому новому, что несла с собой проповедь Заратуштры [Виноградова 2013; 2014б; 2017б], а также иллюстрацией того, что он считал особенно важным и что он старался подчеркнуть, выделить и донести — прибегнув к эмфазе, одной из сильнейших в плане эмоционального воздействия, — коммуникативной стратегии. Истинным же адресатом для него была, конечно же, паства. (К вопросу о специфических концептах его вероучения, в первую очередь, о святости-spənta, в его трактовке [Топоров 1987] и чисто этимологически, не имевшей аналогов ни в прошлом, ни в последующем развитии иранских языков, вне рамок зороастрийского богослужения см. [Виноградова 2013; Д. И. Эдельман (устное сообщение)]. См. также разработку понятия Святой Дух (spənta mainyu) в древнеиранских языках [Виноградова, Додыхудоева 2018].

7. Заключение

В рамках заданной темы можно было бы рассмотреть в сопоставлении с древним материалом и такой способ топикализации, широко распространенный в ряде современных иранских языков. Из засвидетельствованных форм отметим эту конструкцию в таджикоязычной среде, где она пользуется большой популярностью [Керимова, Молчанова 1984]. Она хорошо описана в литературе по иранским языкам [Молчанова 2008: 318; Пейсилов 1960]. Совершенно иной, особый случай топикализации в шугнанском, одном из памирских языков, описан в [Barie 2009].

Таким образом, в иранских языках, живых и вымерших, из доступных нам материалов и специальных работ, можно выделить несколько структурно-синтаксических способов топикализации:

- 1) авестийский Гат *ya-* + 1SG предиката;
- 2) таджикско-персидский *man=ke*;
- 3) таджикско-персидский и йезди *ahmad zan=š*;
- 4) шугнанский «старый и новый клефт» [Barie 2009], причем, с этимологически мутным связующим элементом, помещающимся между темой, в препозиции, и ремой (старый: *-yi tu*; новый: *tu-yi*). В примерах, называемых Бари старым клефтом, можно попытаться поискать следы контаминации со считающимися изжитыми в шугнанском эргативнообразными построениями [Эдельман 1987: 308–309].

В сокращенном виде представлены другие функциональные типы *ya*-структур в авестийских Гатах. Кроме того, рассматривается специфическая лексика Гат, входящая в приводимый языковой материал.

Сокращения

- ABL — аблатив
ACC — аккузатив
ACT — актив
AOR — аорист
CN — коннектор

CON — конъюнктив
DAT — датив
DU — дуалис
ENC — энклитика
FUT — футурум
GEN — генетив
IMP — императив
INF — инфинитив
INS — инструменталис
IZ — изафет
LAT — латив
LOC — локатив
M — муж. р.
MED — медиалис
N — ср. р.
NEG — частица отрицания
NOM — номинатив
OPT — оптатив
PL — мн. ч.
PRF — перфект
PRS — настоящее время
PST — прошедшее время (претерит)
TR — усеченный
SG — ед. ч.
SUP — суперлатив
VOC — вокатив

Литература

Виноградова 2012 — Виноградова С. П. К вопросу об относительной хронологии авестийских Гат (опыт сравнительной текстологии). *Тезисы конференции «Сравнительная текстология» к юбилею Елены Абрамовны Давидович*, декабрь 2012.

Виноградова 2013 — Виноградова С. П. Концепт святость. Общее наследие Ирана и Индии (на персидском языке). *Inter-*

national Seminar of Indo-Iranian Common Heritage, History of Knowledge and Culture, Qom, Iran, 26 сентября 2013.

Виноградова 2014а — Виноградова С. П. Об одном примере древнего метаморфизма «язык-ритуал» (К вопросу о переводе Гат). *Динамика культурно-исторической парадигмы: человек, слово, текст: сборник статей*. Под ред. И. И. Челышевой, В. З. Демьянкова, В. Я. Порхошовского. Москва; Калуга, 2014, 207–215.

Виноградова 2014б — Виноградова С. П. К вопросу о формировании религиозной идентичности (Гаты Заратуштры). *Текст и языковые процессы в переломные эпохи от древности до Нового времени*. Коллективная монография. Институт языкознания РАН. Под ред. И. И. Челышевой. Москва, 2014.

Виноградова 2017а — Виноградова С. П. О ведийских аллюзиях в авестийских Гатах: попытка реконструкции. *Проблемы ближней и дальней реконструкции Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения проф. Олега Сергеевича Широкова*. Под ред. В. К. Казаряна. Москва, 2017, 183–191.

Виноградова 2017б — Виноградова С. П. *Священные тексты и традиционные культурные практики (Авеста)*. Научная конференция, посвященная памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского «Иранский мир II–I тыс. до н. э.: модели инкультурации» 27–28 ноября 2017 г. в Отделе истории и культуры древнего Востока ИВ РАН.

Виноградова 2023 — Виноградова С. П. К вопросу о др.-ир. относительном местоимении *ya-* (и.-е. **iō-*) и его функционировании в качестве коннектора/союза/союзного слова (на различных уровнях) в текстах на раннеавестийском диалекте. *Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте. Сборник тезисов*. Москва, 2023, 15–17.

Виноградова 2025 — Абаев В. И. *Древнеиранские языки и тексты по аудиозаписям 1982–1984 гг. (Часть I. Авестийский язык и тексты; Часть II. Древнеперсидский язык и тексты). С анализом и комментариями*. Под ред. С. П. Виноградовой. Цхинвал; Москва, 2025.

Виноградова, Додыхудоева 2018 — Виноградова С. П., Додыхудоева Л. Р. О некоторых терминах и понятиях монотеистических религий. *Понятие веры в разных языках и культурах*. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. Москва, 2018, 631–643.

Даль — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. URL: <https://my-dict.ru/dic/tolkovyyu-slovar-dalya/> (accessed on 08.11.2025)

Елизаренкова 1993 — Елизаренкова Т. Я. *Язык и стиль ведийских риши*. Москва, 1993.

Керимова, Молчанова 1984 — Керимова А. А., Молчанова Е. К. Еще раз об Ахмаде и его книге (к вопросу об актуальном членении высказывания в таджикских говорах). *Забоншиносии тоҷик*. Душанбе, 1984.

Кузнецов 2000 — Кузнецов С. А. *Большой толковый словарь русского языка*. Москва, 2000.

Кравченко 1995 — Кравченко А. В. *Принципы теории указательности*. Москва, 1995.

Молчанова 2008 — Молчанова Е. К. Йезди (зороастрийский дар). *Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки*. Москва, 2008.

Лурия 2006 — Лурия А. Р. *Лекции по общей психологии*. Санкт-Петербург, 2006.

Пейсиков 1960 — Пейсиков Л. С. *Тегеранский диалект*. Москва, 1960.

Расторгуева, Эдельман 2007 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Москва, Т. 1. — 2000. Т. 2. — 2003. Т. 3. — 2007.

Стеблин-Каменский 2009 — Стеблин-Каменский И. М. *Гаты Заратуштры*. Пер. с авестийского, вступительные статьи, комментарии и приложения И. М. Стеблин-Каменского. Санкт-Петербург, 2009.

Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. Москва, 2001.

Топоров 1987 — Топоров В. Н. Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культу-

ре — *SVĒT-. *Языки культуры и проблемы переводимости*. Москва, 1987.

Шкапа 2013 — Шкапа М. В. Клефт в ирландском языке: к типологии клефта и тетических предложений. *Вопросы языкознания*, 2013, 6: 89–105.

Эдельман 1987 — Эдельман Д. И. Шугнано-рушанская языковая группа. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Восточная группа*. Москва, 1987, 236–347.

Эдельман 1990 — Эдельман Д. И. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса*. Москва, 1990.

Эдельман 2002 — Эдельман Д. И. *Иранские и славянские языки. Исторические отношения*. Москва, 2002.

Эдельман 2020 — Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 6. Москва, 2020.

AiW 1906 — Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch, Strasburg, 1904, with additions and corrections in Zum Altiranischen Wörterbuch*. Strasburg, 1906.

Barie 2009 — Barie A. E. *Exploring cleft sentences and other aspects of Shughni syntax*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in the College of Arts and Sciences at the University of Kentucky. Lexington, Kentucky: University of Kentucky. 2009. URL: <https://www.rch.uky.edu/Shughni/Full%20Thesis.pdf> (accessed on 08.11.2025)

Emmerick 1968 — Emmerick R. E. *Saka grammatical studies*. London, 1968.

Emmerick, Skjærvø 1982, 1987 — Emmerick R. E., Skjærvø P. O. *Studies in the vocabulary of Khotanese*. Wien, I — 1982; II — 1987.

Geldner 1896 — Geldner K. F. *Avesta. The Sacred Books Of The Parsis*. Stuttgart, 1896.

Humbach 2000 — Humbach H. Gathas. *Encyclopedi Iranica*. 2000 (2012). Vol. X, Fasc. 3, 321-327. URL: <http://www.iranica-online.org/articles/gathas-i-texts> (accessed on 08.11.2025)

Humbach et al. 1981 — Humbach H. in collaboration with Elfenbein J. and Skjærvø P. O. *The Gāthās of Zarathushtra*. P. I.

Introduction – Text and Translation. Heidelberg, 1991; P. II. Commentary. Heidelberg, 1991.

Insler 1975 — Insler S. *The The Gāthās of Zarathustra*. Acta Iranica 8. Teheran; Liège, 1975.

Kellens 1987 — Kellens J. *Avesta. Encyclopædia Iranica*. Vol. III, Fasc. 1, 35–44, 1987; online edition, 2016. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/avesta-parent/> (accessed on 08.11.2025)

RV — *Ṛgveda-Saṁhitā with Padapāṭha*. Transliterated text with accents. URL: <http://www.detlef108.de/Itikarana-in-the-RV-Padapatha.pdf> (accessed on 08.11.2025)

References

Abaev V. I. *Drevneiranskie yazyki i teksty po audiozapisyam 1982–1984 gg. (Chast' I. Avestiyskiy yazyk i teksty; Chast' II. Drevnepersidskiy yazyk i teksty). S analizom i kommentariyami* [Ancient Iranian Languages and Texts from Audio Recordings 1982–1984 (Part I. Avestan Language and Texts; Part II. Old Persian Language and Texts). With Analysis and Commentary]. Pod red. S. P. Vinogradovoy. Tskhinval; Moskva, 2025. (In Russ.)

Barie A. E. *Exploring cleft sentences and other aspects of Shughni syntax*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in the College of Arts and Sciences at the University of Kentucky. Lexington, Kentucky: University of Kentucky. 2009. URL: <https://www.rch.uky.edu/Shughni/Full%20Thesis.pdf> (accessed on 08.11.2025)

Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch, Strasburg, 1904, with additions and corrections in Zum Altiranischen Wörterbuch*. Strasburg, 1906.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. URL: <https://my-dict.ru/dic/tolkovyy-slovar-dalya/> (accessed on 08.11.2025). (In Russ.)

Edel'man D. I. *Iranskie i slavyanskie yazyki. Istoricheskie ot-nosheniya* [Iranian and Slavic Languages. Historical Relations]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Edel'man D. I. Shugnano-rushanskaya yazykovaya gruppa [Shughnani-Rushani group]. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Novoiranskie yazyki. Vostochnaya gruppa*. Moskva, 1987, 236–347. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Iranian Languages]. T. 6. Moskva, 2020. (In Russ.)

Edel'man D. I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Morfologiya. Elementy sintaksisa* [Comparative Grammar of Eastern Iranian Languages. Morphology. Elements of Syntax]. Moskva, 1990. (In Russ.)

Elizarenkova T. Ya. *Yazyk i stil' vediyskikh rishi* [Language and style of the Vedic rishis]. Moskva. 1993. (In Russ.)

Emmerick R. E. *Saka grammatical studies*. London, 1968.

Emmerick R. E., Skjærvø P. O. *Studies in the vocabulary of Khotanese*. Wien, I — 1982; II — 1987.

Geldner K. F. *Avesta. The Sacred Books Of The Parsis*. Stuttgart, 1896.

Humbach H. *Gathas. Encyclopaedia Iranica*. 2000 (2012). Vol. X, Fasc. 3, 321–327. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/gathas-i-texts> (accessed on 08.11.2025)

Humbach H. in collaboration with Elfenbein J. and Skjærvø P. O. *The Gāthās of Zarathushtra*. P. I. Introduction – Text and Translation. Heidelberg, 1991; P. II. Commentary. Heidelberg, 1991.

Insler S. *The Gāthās of Zarathustra*. Acta Iranica 8. Teheran; Liège, 1975.

Kellens J. *Avesta. Encyclopædia Iranica*. Vol. III, Fasc. 1, 35–44, 1987; online edition, 2016. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/avesta-parent/> (accessed on 08.11.2025)

Kerimova A. A., Molchanova E. K. *Eshche raz ob Akhmade i ego knige (k voprosu ob aktual'nom chlenenii vyskazyvaniya v tadzhikskikh govorakh)* [Once Again about Akhmad and His Book (On the Issue of the Actual Segmentation of Statements in Tajik Dialects)]. Zabonshinosii tojik. Dushanbe, 1984. (In Russ.)

Kravchenko A. V. *Printsipy teorii ukazatel'nosti* [Principles of the Theory of Demonstrativeness. ADD]. Moskva, 1995. (In Russ.)

Kuznetsov S. A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Luriya A. R. *Leksii po obshchey psikhologii* [Lectures on General Psychology]. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)

Molchanova E. K. *Yezdi (zoroastriyskiy dari) [Yazdi (Zoroastrian Dari)]. Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Sredneiranskie i novoiranskie yazyki*. Moskva, 2008. (In Russ.)

Peysikov L. S. *Tegeranskiy dialect* [The Tehran Dialect]. Moskva. 1960. (In Russ.)

Rastorgueva B. C., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Iranian Languages]. Moskva, T. 1. — 2000. T. 2. — 2003. T. 3. — 2007. (In Russ.)

R̥gveda-Saṁhitā with Padapāṭha. Transliterated text with accents. URL: <http://www.detlef108.de/Itikarana-in-the-RV-Padapatha.pdf> (accessed on 08.11.2025)

Shkapa M. V. *Kleft v irlandskom yazyke: k tipologii klefta i teticheskikh predlozheniy* [Cleft in Irish: Toward a Typology of Cleft and Thetic Sentences]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2013, 6: 89–105. (In Russ.)

Steblyn-Kamenskiy I. M. *Gaty Zaratushty*. Per. s avestiyskogo, vstupitel'nye stat'i, kommentarii i prilozheniya I. M. Steblyn-Kamenskogo [Gathas of Zoroaster. Translated from Avestan, with introductory articles, commentaries, and appendices by I. M. Steblyn-Kamenskiy]. Sankt-Peterburg, 2009. (In Russ.)

Testeleys Ya. G. *Vvedenie v obshchiy sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Toporov V. N. *Ob odnom arkhaishtom indoevropeyskom elemente v drevnerusskoy dukhovnoy kul'ture — *SVEṬ-. Yazyki kul'tury i problemy perevodimosti*. Moskva, 1987. (In Russ.)

Vinogradova S. P. *K voprosu o dr.-ir. otnositel'nom mestoimenii ya- (i.-e. *iō-) i ego funktsionirovaniy v kachestve konektora/soyuza/soyuznogo slova (na razlichnykh urovnyakh) v tekstakh na ranneavestiyskom dialekte* [On the Old Iranian relative pronoun ya- (IE *iō-) and its functioning as a connector/conjunction/conjunctive word (at different levels) in texts in the

early Avestan dialect]. *Svyaz' propozitsional'nykh edinits v predlozhenii i v tekste*. Sbornik tezisov. Moskva, 2023, 15–17. (In Russ.)

Vinogradova S. P. *K voprosu o formirovanii religioznoy identichnosti (Gaty Zaratushty)* [On the Formation of Religious Identity (the Gathas of Zoroaster)]. *Tekst i yazykovye protsessy v perelomnye epokhi ot drevnosti do Novogo vremeni*. Kollektivnaya monografiya. Institut yazykoznaniya RAN. Pod red. I. I. Chelyshevoy. Moskva, 2014. (In Russ.)

Vinogradova S. P. *K voprosu ob otnositel'noy khronologii avestiyskikh Gat (opyt sravnitel'noy tekstologii)* [On the Relative Chronology of the Avestan Gathas (An Experiment in Comparative Textology)]. *Tezisy konferentsii «Sravnitel'naya tekstologiya» k yubileyu Eleny Abramovny Davidovich, dekabr' 2012.* (In Russ.)

Vinogradova S. P. *Kontsept svyatost'. Obshchee nasledie Irana i Indii (na persidskom yazyke)* [The Concept of Holiness: The Common Heritage of Iran and India (in Persian)]. International Seminar of Indo-Iranian Common Heritage, History of Knowledge and Culture, Qom, Iran, 26 sentyabrya 2013. (In Russ.)

Vinogradova S. P. *O vediyskikh allyuziyakh v avestiyskikh Gatakh: popytka rekonstruktsii* [On Vedic Allusions in the Avestan Gathas: An Attempt at Reconstruction]. *Problemy blizhsney i dal'ney rekonstruktsiyu Materialy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya prof. Olega Sergeevicha Shirokova*. Pod red. V. K. Kazaryana. Moskva, 2017, 183–191. (In Russ.)

Vinogradova S. P. *Ob odnom primere drevnego metamorfizma «yazyk-ritual» (K voprosu o perevode Gat)* [On One Example of Ancient “Language-Ritual” Metamorphism (On the Translation of the Gathas)]. *Dinamika kul'turno-istoricheskoy paradigmy: chelovek, slovo, tekst: sbornik statey*. Pod red. I. I. Chelyshevoy, V. Z. Dem'yankova, V. Ya. Porkhomovskogo. Moskva; Kaluga, 2014, 207–215. (In Russ.)

Vinogradova S. P. *Svyashchennyye teksty i traditsionnye kul'turnyye praktiki (Avesta)* [Sacred Texts and Traditional Cultural Practices (Avesta)]. Nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya pamyati E. A. Grantovskogo i D. S. Raevskogo «Iranskiy mir

II–I tys. do n.e.: modeli inkul'turatsii» 27–28 noyabrya 2017 g. v Otdele istorii i kul'tury drevnego Vostoka IV RAN. (In Russ.)

Vinogradova S. P., Dodykhudoeva L. R. O nekotorykh terminakh i ponyatiyakh monoteisticheskikh religiy [On some terms and concepts of monotheistic religions]. *Ponyatie very v raznykh yazykakh i kul'turakh*. Otv. red. N. D. Arutyunova, M. L. Kovshova. Moskva, 2018, 631–643. (In Russ.)